

Москва

4
2017

Журнал русской культуры

Выходит с марта 1957 г.

УЧРЕДИТЕЛИ:

Союз писателей России

Российский Фонд Мира

Трудовой коллектив

журнала «Москва»

4

2017

16+

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Стихи лауреатов литературной премии

«Справедливой России»	3
Екатерина РОГАЧЁВА. <i>Город. Повесть</i>	13
Конкурс «Вечерние стихи»	76
Сергей КАЗНАЧЕЕВ. <i>Чертополох в слезах. Рассказы</i>	90
По итогам конкурса «Мастер»	117

ПУБЛИЦИСТИКА

Петр МУЛЬТАТУЛИ. **Февральский переворот 1917 года:**

причины и организаторы	125
Владимир КОЖЕВНИКОВ. Отношение социализма	
к религии вообще и к христианству в частности. Публикация	
<i>Михаила СМОЛИНА</i>	129

КУЛЬТУРА

К 50-летию первой публикации «Мастера и Маргариты»
в журнале «Москва»

Юрий ВОРОБЬЕВСКИЙ. Удивительный «Мастер»	154
Вспоминая Л.И. Бородину	
Юлия ЕРЕМЕЕВА. Авторский курсив	170
Андрей ВОРОНЦОВ. Шерлок Холмс и тайна беззакония	174
Максим ЕРШОВ. Это — принципиально	183
Ирина МОНАХОВА. «Сердце билось одно»	196
Наталья и Лев АНИСОВЫ. Русские художники	208

МОСКОВСКАЯ ТЕТРАДЬ

Юрий КОМАРОВ. *Просветитель* 222

ДОМАШНЯЯ ЦЕРКОВЬ

Священник Димитрий ШИШКИН. *Об общем благе
и личной свободе* 235

Главный редактор В.В. АРТЕМОВ (495) 691-71-10

Генеральный директор В.В. КОВАЛЕВ (495) 691-83-91

Заместитель главного редактора М.М. ПОПОВ (495) 691-71-10

Ответственный секретарь О.И. КИРЕЕНКО (495) 691-83-64

Отдел прозы и поэзии Т.А. НЕРЕТИНА (495) 691-68-01

Домашняя церковь С.И. НОСЕНКО (495) 691-68-01

Главный бухгалтер Л.Э. БУДНИКОВА (495) 691-83-84

Заведующая редакцией М.В. БИКАШОВА (495) 691-71-10

Корректор О.И. ИВАНОВА

Технический редактор Е.Ю. ЕРОФЕЕВА

Общественный совет:

игумен ЕВФИМИЙ (МОИСЕЕВ), П.Н. КРАСНОВ, В.Н. КРУПИН, В.А. КУЛЬЧИЦКИЙ,
П.В. МУЛЬТАТУЛИ, А.С. САЛУЦКИЙ,
М.Б. СМОЛИН (председатель), епископ ТИХОН (ШЕВКУНОВ),
И.Р. ШАФАРЕВИЧ

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Отклоненные рукописи сохраняются в течение года. Рукописи, присланные по электронной почте, не рассматриваются. Материалы принимаются только в распечатанном виде по адресу редакции. Журнал не публикует поэмы, либретто и сценарии.

Подписано в печать 15.03.17. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная. Печать офсетная.

Тираж 1480 экз. Заказ 1377-2017.

Свидетельство о регистрации № 554 от 29 декабря 1990 года Министерства печати Российской Федерации

Подписные индексы: 73253 — каталог РОСПЕЧАТЬ, 15612 — «Пресса России», 45211 — каталог «МАП».

Адрес редакции: 119002, Москва, ул. Арбат, д. 20. Телефон +7(495) 691-71-10. Факс +7(495) 691-07-32.

Электронная версия журнала: www.moskvam.ru

e-mail: priem@moskvam.ru

Отпечатано в АО «Красная Звезда». 123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38. Тел.: (495) 941-28-62, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62. Сайт: www.redstarph.ru; e-mail: kr_zvezda@mail.ru.

ISSN 0131-2332

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

© Журнал «Москва» № 4, 2017

СТИХИ ЛАУРЕАТОВ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ «СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ»

В 2015 году политическая партия «Справедливая Россия» совместно с журналом «Роман-газета» учредила литературную премию, посвященную Году литературы в России.

С 2016 года Литературная премия «Справедливой России» стала ежегодной. Возглавляет жюри председатель политической партии «Справедливая Россия», руководитель фракции «Справедливая Россия» в Государственной думе Сергей Миронов. Девиз премии — «В поисках правды и справедливости».

Предлагаем подборку стихотворений лауреатов литературной премии «Справедливой России».

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ

* * *

Когда Серега умер от запоя,
За ним прислали ржавую «газель».
Тем утром на дорогах Уренгоя
Заснеженный свирепствовал апрель.

Вячеслав Александрович Иванов родился в 1982 году в Смоленске. Окончил Смоленский филиал Московского энергетического института. По образованию инженер. Руководитель смоленской городской литературной студии «Смоленская юность».

Автор поэтических сборников «Нас на Земле двое» (2012) и «Крылья» (2014). Стихи публиковались в журнале «Юность», в еженедельнике «Литературная Россия», а также в журнале «Окно» (Санкт-Петербург) и альманахе «Под Часами» Смоленского отделения Союза российских писателей.

Лауреат фестиваля «Рубикон» в номинации «Поэзия» (2011), дипломант финальной части межвузовского литературного форума «Осиянное слово» имени Н.Гумилева (2013). Член Союза российских писателей.

Машина, у подъезда сев на брюхо,
 Не в силах скорбный свой продолжить путь,
 Беспомощно завывла, как старуха,
 Пришедшая соседа помянуть.

И кто-то говорил: «Сергея шутит!
 С ним вечно приключается курьез!»
 И было что-то страшное до жути
 В бессмысленном вращении колес...

* * *

Мы с ней не говорили о вещах,
 Что куплены не нами или нами
 В Италии, Китае и Вьетнаме,
 А может, на каких-то островах,

О ценах на билеты и на газ,
 Об уровне зарплат в районной школе,
 О клубах, сигаретах, алкоголе.
 Все это миновало, к счастью, нас.

Мы с нею говорили о душе,
 О ценностях Серебряного века,
 О Бродском и о смысле человека,
 О пагубности штампов и клише,

О музыке Миньони и Кюи,
 О странностях в картинах Сальвадора
 И живописи классиков, в которой
 Так много нерастроченной любви,

О сущности религии, о снах,
 О хрупкости и целостности мира.
 Она не говорила о вещах,
 Но выскочила замуж за банкира.

* * *

...А ночами к Ивановым от Иванниковых
 К таракану приходила тараканиха.

Пахла медом и корицей, расфуфырена.
 То халвы кусок притащит, то зефирины.

Вот сидят, жуют часами втихомолочку.
 Что останется — запасливо на полочку.

Предлагал у Ивановых он остаться ей,
 Уходила — провожал до вентиляции.

Долго думал, шевеля усами рыжими,
А потом в кладовке прятался за лыжами,

Возле банок с огурцами и капустою,
Всем хитином одиночество предчувствуя.

* * *

Что же с ними делать? Сам реши,
Юный, но отъявленный разбойник.
В этих милых куклах нет души.
Хоть спали в печи, а им не больно.

А когда ты вырастешь большой,
Тихо я шепну тебе на ушко:
«Кукла с человеческой душой —
Это очень страшная игрушка».

ПАВЕЛ ВЕЛИКЖАНИН

Черствый хлеб

Был черствый хлеб вкуснее сдоб, был ратный труд, простой
и страшный:

На фронте пашней пах окоп, в тылу окопом пахла пашня.
Впрягались бабы в тяжкий плуг, и почва впитывала стоны.
Мукою, смолотой из мук, на фронт грузились эшелоны.

Павел Александрович Великжанин родился в 1985 году в Кузбассе. Долгое время жил в Зауралье, в Курганской области. Окончил Московский государственный университет печати имени Ивана Федорова. Поэт, журналист.

Писать осмысленно начал на рубеже веков. Печатался в Интернете, на сайтах ВКонтакте и Стихи.ру, в журналах «Лексикон», «Самиздат», «Новая литература».

Лауреат Южно-Уральской литературной премии (2015) и Первого всероссийского литературного конкурса «Герои Великой Победы» (2015).

Живет в Волгограде.

А там своя была страда, и приходили похоронки
 В артели вдовьего труда, в деревни на глухой сторонке.
 Кружили, словно воронье, над опустевшими домами.
 Кололо жесткое жнивье босое сердце старой маме...

Дневник Тани Савичевой

Сколько их: кто не дожил, не дошел? Нет даже лиц.
 Синим химическим карандашом девять страниц.
 Голод блокады писал без затей буквы свои.
 Девять страниц — только даты смертей целой семьи.

Это потом в полевых вещмешках их принесут
 На просоленных солдатских плечах в Нюрнбергский суд.
 Это потом доверять дневникам станут мечты
 Девочки в городе, где по утрам сводят мосты.

...«Таня одна...» И завыли гудки траурный марш.
 Ангел тихонько из детской руки взял карандаш...

Истребители танков

Их щенками кормили под танковым днищем,
 Приучая в бою беспородцев красивых
 Лезть под танки немецкие в поисках пищи,
 Не пугаясь ни лязга, ни пуль, ни разрывов.

А на спину тротил со взрывателем чутким:
 Чтоб уткнулся в стальное подбрюшье махины...
 И вожатый потухшую грыз самокрутку,
 И махра ему скулы сводила, как хина.

Осколок

Так уродлив был этот обломок металла, принесенный с бойцом
 в лазарет:
 Словно смерть острой лапою четырехпалой рядом с сердцем
 оставила след.
 Врач сказал, зашивая дыру под ключицей: «На, держи! Вдруг
 приметя верна!»
 «Да со мною и так ничего не случится, а приятней носить ордена».

Все же взял. Тот валялся в кармане шинели. Рвал подкладку он
 ржавыми лапами.
 Сыновья вырастали, и внуки взрослели, становясь в свою очередь папами.
 И лежат ордена, пусть без прежнего блеска, в девяностых
 не сданные частнику...
 Но играетя правнук корявой железкой, так похожей на свастику.

В музее

Не ржавеет стволов вороненая сталь, но лежит без движенья и звука;
 Полевые бинокли забыли про даль и на стены глядят близоруко;
 Да и рации вряд ли поймают волну, чтоб приказ передать об атаке...
 Все равно, как живую, я вижу войну, по музею идя в полумраке.
 С пожелтевшего фото тех огненных лет смотрит парень со шрамом
 над бровью,
 И лежит под стеклом комсомольский билет, сверх печатей
 заверенный кровью.

РОМАН РУБАНОВ

* * *

Трамвай по Верхней Луговой.
 Дождь моросит колючий, дробный.
 Пусть англичанин Ивлин Во
 составит справочник подробный,

в котором скопище пройдох
 в трамвае едут. Грязь и слякоть.
 Чтоб путешествующий мог
 прочесть, увидеть и заплакать.

Роман Владимирович Рубанов родился в 1982 году в деревне Стрекалово Хомутовского района Курской области. Окончил факультет теологии и религиоведения Курского государственного университета.

Работает в Театре юного зрителя «Ровесник» руководителем литературно-драматургической части. Главный режиссер КТЦ «Звездный».

Стихи начал писать в 17 лет. Автор книг стихов «Соучастник» (2014) и «Стрекалово» (2016).

Участник Всероссийских форумов молодых писателей в Липках. Лауреат Шелиховской медали за большой вклад в развитие поэзии западного региона Курской области (2009), ежегодного литературного конкурса «Проявление» (2010). Дипломант литературного конкурса «Лири Боспора-2011» в номинации «Поэзия» (Крым, г. Симферополь), дипломант 3-й степени Второго поэтического конкурса памяти Константина Васильева «Чем жива душа...» (2011).

Член Союза писателей Москвы.

Живет в Курской области.

Над частным сектором горит
пригоршня праха. Ветер с ив ли,
с берез срывает колорит
убранства. И про это, Ивлин,

пиши, про жизнь и про любовь
пиши, как на боях без правил,
чтоб в Википедии любой
чужак ни слова не исправил.

* * *

Отцу

Позвоню: — Что нового?
— Ничего.
По деревне хоть голым весь день скачи.
Пошумим на Пасху, на Рождество,
В основном по домам сидим, как сычи.

И я сразу представлю и тишину,
И поземку, вьющуюся к крыльцу,
И собак, мечтающих на луну
Улететь. И все расскажу отцу.

Он смеется в трубку: — Ну, приезжай,
Посидим, покурим, поговорим...
Хорошо, что праздники — Первомай.
И простор за деревней — необозрим.

Вот за фермой — лес, а за лесом... гам,
Вроде трасса проходит. Да что гадать —
Тарахтят машины. — Ну как вы там,
В Курске, сын?
— Да так, потихоньку, бать.

Мы закурим. И будем считать столбы.
Вот ведь линия как проводов идет —
От его судьбы до моей судьбы,
А потом, как в сказке, — наоборот.

* * *

Эй, гуси, гуси. И рябит вода.
Гусиный след до горизонта тянется.
Где золотится пышная скирда
И в луже хряк на солнышке румянится,

Стоит село. Три улицы всего.
Все на виду, ничто от глаз не скроется.

И коль тебя случайно занесло
Сюда, смотри, и все тебе откроется.

Места обычные, но что-то в этом есть,
Увидит проходящий мимо кто-нибудь
Дома, на крышах кровельную жесьь,
Трубу, дымок, плывущий ровно по небу;

И запах хлеба, меда с молоком
И клевера, летящий за повозкою...
Дед косу отбивает молотком,
Попыхивая желтой папироскою.

И голова с похмелья не болит.
Разложишь снедь у дома на скатерке
И видишь: вот гусей пасет Давид,
Вот Соломон идет домой с планерки,

Иона чинит сеть, Иезекииль
Несет на почту письма и посылки,
Ной с рукавов отряхивает пыль,
Захлопнув дверь колхозной лесопилки.

Дед докурил
и белого коня
Седлает, косу на плечо и — в стремя...
Он едет за село, там, где стерня
Обозначает скошенное время.

* * *

Мой дом уже из виду скрылся.
И ель, и сад едва видны.
Июнь в провинциальном Рыльске.
Билет студентам — вполнены.

Набитый до отказа пазик
шумит, как улей, вразнойбой.
Студенческие годы — праздник,
который не всегда с тобой.

Вот думаешь: окончу скоро
свою шарагу и — сорвусь.
Прощай, провинциальный город!
В Москву! В Москву!

Но перебесишься и вскоре
вернешься ровно через год.
Тебя в провинциальный город
знакомый пазик привезет.

* * *

У колонки намерзло льда.
Я в калошах иду по льду.
В мои ведра льется вода
и суда по воде идут,

и растет из воды камыш,
и дымок идет из трубы,
и пегляют следы от лыж
вдоль дорог, где столбы, столбы.

Постою, посмотрю в ведро:
вот он я, вон мои следы,
вон скользнул золотым пером
луч фонарика. Рвутся льды,

и слышна переключка рек.
В ведрах льдинки плывут, звеня.
Заметает деревню снег,
и следы мои, и меня.

АЛЕКСАНДР СИГИДА

Переселение народов

Бессилье гуманизма светского
Сродни закату Византии
Былого карго-культ советского
Политкорректной деспотии
И в текстах Эдуарда Гиббона
Которые он не читал
Указан путь упадка, гибели,
Где открывается портал
Переселения народов
И сдвигов литосферных плит

Александр Александрович Сигида родился в 1986 году в городе Краснодоне Луганской области. Окончил факультет иностранных языков Луганского педагогического университета имени Тараса Шевченко.

Автор книг стихов «Путешествие» (1993), «Каменный угол» (1995), «Месторождение» (1998), «Непочатый край» (2002). Публиковался в журналах «Родная Ладога» (Санкт-Петербург), «ЛиФФт» (Москва), в сборнике «Время Донбасса» (Луганск), в альманахе «Крылья» (Луганск – Москва) и др.

Лауреат литературной премии партии «Справедливая Россия» (2015). Участник Третьего совещания молодых писателей в городе Каменске-Уральском и семинара военных авторов в Перedelкине. Дипломант Первого Всероссийского фестиваля фестивалей «ЛиФФт» (2016).

Член Союза писателей Луганской Народной Республики.
Живет в г. Молодогвардейске Луганской области, ЛНР.

Войн из-за скверных переводов
И истребления элит
(Рождение трагедии границ
Ее предвидел в Ницше Фридрих Ницц)

Totentanz*

И в германской гравюре,
Где все так готично, идейно
И в гражданском гламуре
С мотивами Ганса Гольбейна
Черно-белая лента
Кинохроники. Солнце и сталь.
Документы Конвента
Где массовка сродни Рифеншталь
Где горящие декорации
В Донецке премьеры «Голландца»
Где аборт и зачатие нации
Повторяют сюжет Тотентанца
Ты ныряешь за золотом Рейна
Ты — совсем как Кусто.
Если хочешь мотивов Гольбейна —
Приходи на Восток.

Sors mea Jesus**

Великолепный русофоб
Шотландский рыцарь и каратель
Раскачивал хрустальный гроб
Угрюмый сумрачный мечтатель
Воспитанный в Европе ум
Тобой сожженные аулы
И текстов черный опиум
Бритоголовые назгулы
Твоею свитой стать смогли
Каратель, декадент и денди
А хрестоматии — в пыли
Все дело — в текстах. И в легенде.

Звездный десант

Что было с нами, не совпадение, не тайна;
Все это — в духе классических текстов Хайнлайна.
Это и русской рулетки слепая харизма,
И обаяние скромное милитаризма.
Слово прибавит в цене и любой хитрый план,

* *Totentanz* — пляска смерти (нем.).

** *Sors mea Jesus* — жребий мой — Иисус (лат.).

Если идет с вами в бой полковой капеллан.
 Звездная пыль с отпечатками наших сапог,
 С космопехотой шагать ты, наверное, мог.
 Вел бы экспансию, сколько хватило бы сил.
 Семь пар железных сапог ты бы там износил.
 Только здесь нет механизмов сложнее комбайна.
 И далеки мы пока от героев Хайнлайна...

Так закалялась сталь

Так закалялась сталь
 Есть горизонты иные
 С полотнами Рифеншталь
 Где волки ходят степные
 Видимо, сели на мель
 Морские белые волки
 У края южных земель
 Нашли их стали осколки
 Знакомых была толпа
 Различных племен и наций
 Где я наблюдал черепа
 Магических трепанаций

Они правели, левели
 Пили у каменных баб
 Снаружи — Макиавелли
 На деле — комфорта раб
 Хотели нескучной жизни,
 Но скучных искали утех.
 По счастью, не все из них слизни
 Есть храбрый писатель, Чех.
 Никто не желает пощады
 В этих скифских снегах.
 Поэтому помнить надо
 И о достойных врагах.

Садовник

О нет, я не сановник,
 Верселей и услад.
 Скорее я — садовник.
 Приди в мой Черный Сад.
 Готические кроны.
 Сплетение корней.
 Гражданской обороны
 Убежище теней.
 Плоды ночных раздумий,
 Архивы сверхидей,
 И декадентских мумий
 И черных орхидей
 Выхаживал так нежно,
 Лелеял зла цветов,
 А рядом неизбежно
 Пылал Юго-Восток.

Я помню час расплаты:
 Спасая красоту,
 Я лезвию лопаты
 Снес голову кроту.
 С остекленевшим взглядом,
 Спасая Эланор,
 Я заливаю ядом
 Холмы кротовых нор.
 Сыны Унголианты —
 Ползите в свой Хотин!
 Точите фолианты,
 Растите свой хитин.
 Резиновую маску
 Я снял: приди, о брат,
 В таинственную сказку.
 В огромный Черный Сад.

ЕКАТЕРИНА РОГАЧЁВА

ГОРОД

ПОВЕСТЬ О СЛЕПОЙ ДЕВУШКЕ И ЕЕ ГОРОДЕ

Екатерина Александровна Рогачёва — коренная смолянка. Писать начала лет в двенадцать, в основном стихи и коротенькие рассказы. Окончила дистанционные Курсы литературного мастерства А.В. Воронцова.

Созданием произведений для детей увлеклась в 2013 году. В 2014-м был создан сайт www.pentouse.ru для публикации ее произведений в Интернете.

В январе 2015 года тиражом 200 экз. была издана книжка «Карандыши. Самый скучный день», в которую вошли два первых рассказа из пяти написанных. В № 5 за 2016 год журнала «Литературная учеба» опубликован ее рассказ «Чужая судьба» с разбором А.В. Воронцова.

В настоящее время пишет произведения для детей разных возрастов, а также пробует себя в других жанрах.

ПРОЗА

Екатерина Рогачёва из Смоленска успешно окончила в прошлом году дистанционные Курсы литературного мастерства под моим руководством. На одном из занятий состоялось обсуждение отрывка из ее повести «Город» — об ослепшей девушке, — который всем понравился. 22 апреля 2016 года в Москве, на заседании ЛИТО «Точки» при Совете по прозе Союза писателей России, состоялось обсуждение всей повести, и вновь она получила высокую оценку. Мы единодушно рекомендовали предложить повесть «Город» для издания в журнале «Москва».

Екатерина молодой автор, но ее, увы, постиг тот же недуг, что и героиню повести. В других случаях я бы не стал упоминать об этом обстоятельстве, но мы-то должны понимать, что автору куда труднее писать прозу, нежели зрячим людям.

Повесть Екатерины Рогачёвой «Город» оставила у меня ощущение чего-то сильного, пронзительного, настоящего. Это не ученические штудии, не упражнения в стиле, не проба пера — это полноценная проза, проза боли и любви. Ничего мы не найдем здесь лишнего — ни длиннот, ни повторов, ни пустых красот, ни лишних героев, ни боковых, второстепенных сюжетов. Здесь все на месте, как в хорошей музыке, композиция стройна, ритм безукоризнен, каждая тема нова. Может быть, это оттого, что описано несчастье и мы ощущаем страдания слепой героини «обнажившимся сердцем», как писал Андрей Платонов? Может быть, но несчастье не такая уж редкая тема в литературе, а часто и причина того, что человек хватается за перо, как утопающий за соломинку. Однако не все — далеко не все! — могут и о несчастье написать так, чтобы мы не вынимали из себя сострадание, а почувствовали все описанное так, словно оно произошло с нами, в нашей жизни.

Это проза, повторю, берущая не только своей темой, но и высоким для начинающего писателя художественным уровнем. Вот деталь — разбитая чашка слепой героини. Мать говорит ей: «— Всего лишь чашка, купим новую».

«— Да, — медленно повторила я. — Купим. Только я уже не буду знать, как она выглядит. Никогда. А эту я помнила.

Минус еще ниточка оттуда сюда».

А вот прекрасный пейзаж Е.Рогачёвой — пейзаж выдуманного героиней Города: «Город ждал меня. Рыжее небо выливалось струйкой в чаши его дворики, стекало расплавленными каплями по стенам домов. Деревья шумели листвою в потоке ветра, цветочные ароматы толстыми кольцами лежали на земле, при малейшем ветерке расплываясь невидимой сетью».

Или возьмем впечатляющий эпизод с пожаром в Городе-видении: «Малышка еле переставляла ноги, прижимая к груди обгорелую фигурку какого-то игрушечного, некогда пушистого зверька. Я глянула на нее и застыла. У маленького ребенка было лицо старого человека.

Будто почувствовав мой взгляд, девочка подняла голову и встретилась со мной глазами. У меня застучали зубы. Это были страшные глаза, пустые и безжалостные. В них не было больше ребенка. В них не было ничего. Глаза мертвой рыбы более живые. Лучше бы девочка плакала».

Безусловно, одна из самых сильных сторон этой повести — когда героиня осознает, что снящийся ей Город прямо зависит от ее состояния. Он не отдушина в другой мир, как она поначалу полагала, а нечто такое, с чем мы, писатели, имеем дело в выдуманной нами действительности. Ведь роман, повесть — это не просто некий большой текст, но еще и его проживание. И ты не просто его читаешь, а живешь несколько дней некоей параллельной жизнью. Если так, то перед нами некая иная реальность, действующая по своим законам. Вроде бы должно быть иначе: ведь это мы придумали эти законы, и персонажи должны вести себя в строгом соответствии с ними. Но так только в теории. Создав мир определенных персонажей с их характерными особенностями, мы будем выстраивать их действия в соответствии с присущей им психологией, а не психологией вообще. Даже ребенок, играя, наделяет своих героев определенной свободой выбора, а что уж говорить о писателе? Настает момент, когда герои перестают быть нашими марионетками: мы скорее предугадываем их поступки, нежели направляем их. Героиня же «Города» словно видит ситуацию с другого конца: мир ее снов, поначалу будто бы независимый от ее реальной жизни, вдруг обретает эту зависимость.

Но впечатление от Города снов не было бы столь сильным, если бы мы всего лишь понимали, что он существует по тем же законам, что и произведение прозы с присущей ему таинственной автономией героев. Екатерина Рогачёва вдруг резко расширяет ее границы. Оказывается, встречающиеся ей в Городе люди сняты ей ровно в такой же степени, в какой она снится им, реальным. И кто-то из них понимает то же самое, что и она: благополучие или неблагополучие этого мира таится в них самих. «Это мой сон, и меня не устраивает, что по нему бегают всякие психопатки!» — говорит парень, помешавший ей броситься в воды призрачной реки Города. Таков баланс добра и зла и в вымышленной художественной реальности, и в той реальности, где мы существуем на самом деле. Вскоре героям предстоит встретиться и в реальной жизни, где, может быть, помощь героини нужна ему не меньше, чем его — ей в Городе снов. Но как раз этот момент в повести не прописан, и это можно отнести к ее недостаткам. Однако трудно представить, что повесть начинающего писателя будет совершенно лишена недостатков. В целом же мы имеем дело с оригинальным, сильным, хватающим за душу произведением. И может быть, ее создание было для автора тем же самым, что и для героини «Города» возможность преодолеть свое несчастье.

*Андрей ВОРОНЦОВ,
писатель, доцент Литературного института
имени А.М. Горького*

ГОРОД

*Тьма, острая, как стылый зимний ветер.
 Не то вокруг, не то в тебе самой.
 И кажется, нет никого на свете
 И ты одна. Так долгие путь домой.
 Идешь, на ощупь пробуя дорогу.
 Злобно дышит ветер у плеча.
 Идешь и веришь — в городе далеком
 И для тебя в окне горит свеча.*

Часть первая

Стыдно признаться, но больше всего в сутках я люблю время, когда моя семья ложится спать. В шумном доме устанавливается теплая тишина, и я чувствую необъяснимую связь с ней. Иногда мне кажется, что она тоже так думает, по крайней мере, она всегда спокойная и дружелюбная.

Легко касаясь стены, я пробираюсь в свою комнату. Из открытого окна слышны запахи ночи. Удивительно, но для меня давно уже смешались все виды восприятия мира. Я слышу запахи, пробую на вкус звуки, трогаю пальцами эмоции и не ощущаю разницы.

За окном редкие и какие-то загадочные в это время машины. Они вызывают легкие и ненавязчивые ассоциации с одиночеством и свободой одновременно. Грустной какой-то свободой, никому и не нужной. Под окнами свет фонаря. Я его уже не вижу, но знаю, что он есть. Помню даже, как расположены на потолке желтые квадраты падающих отсветов. Все ночи моего детства прошли под ними.

Я люблю свою семью. Многочисленную, шумную, немножко сумасшедшую. И они меня любят, я это знаю. Но после того что со мной случилось, мы словно оказались на разных берегах невидимой реки. Вместе живем, по утрам дружно завтракаем, болтаем, иногда совместно куда-то выбираемся. Но по-настоящему через пропасть прыгать никто не собирается. Поэтому я искренне рада знать, что у них в порядке, и быть при этом на некотором расстоянии. Так проще.

Я нашариваю кровать и привычно, на ощупь, раздеваюсь. Вещи в одну стопку, кольца на тумбочку, тапочки под кровать. Каждый сантиметр пространства я знаю наизусть. Я из тех, кого вежливо и неловко называют незрячими. Слепая.

Может, поэтому и люблю ночь. Соответствие тьмы вокруг тьме внутри успокаивает. Зато ненавижу рассветы. У меня не светлеет.

Я погружаюсь в прохладные объятия простыней. Благословенное уютное одиночество. Мир становится добрым и ласковым. Я вступаю в реку дрёмы, уже зная, куда по ней поплыву. Расслабляюсь и подчиняюсь незримому течению. Оно несет меня в Город.

Он случился со мной два года назад, когда просыпаться не хотелось вовсе, сны постепенно превращались в кошмары. Ни в реальной жизни, ни в царстве подсознания мне не было покоя. И тогда во мне начало рождаться место, где я смогу наконец отдохнуть. Мой Город.

Он создавался по камешку, по кирпичику, по отдельному деревцу. И он не растворился, не исчез, как другие сны, а остался со мной. Во мне. Вместо меня.

Там были башни, высокие, остроконечные, стремительные, как полет птицы, уходящие в розово-рыжее небо, будто стремящиеся оторваться от взгляда. Там были палисадники у низких домов, наполненные запахами цветов и фруктов и холодком мокрой зелени. Там были фонтаны с разноцветными струями. Там было все. И любовь, и надежда, и печаль, и тишина.

Я там видела.

Там сочетались небольшие леса и озера, площади и дороги, там не было хмурых лиц и косых взглядов, ничего, что вызывало бы тоску и неприязнь. Этого с лихвой хватало в реальном мире. Поэтому мой рассудок, не задумываясь, стер эту эмоциональную составляющую из сна. Периодически он же приставал сам к себе с вопросом, а не болезнь ли это. Довольно странное все-таки ощущение придуманных камней под ногами. Можно ли не знать, куда ведет придуманная тобой улица?

Но потом сам от себя отмахивался с вопросом о разнице. В конце концов, ему тоже надо было где-то спастись.

Месяцами я ходила по Городу, впитывая его свет, нагретую солнцем теплоту мостовых, его голоса, цвета и запахи. Я питалась его умиротворением и неторопливостью. Он ничего не требовал от меня, даже сил на то, чтобы жить в нем... Этому живому и странно настоящему месту было нетрудно пригласить меня, очаровать, зачаровать, привязать, успокоить и затем предоставить самой себе.

В этом Городе не было ни времени суток, ни времени года. Не расцветал рассвет над его крышами, и не сгущалась ночь. Не опадали листья с деревьев и не замерзали лужи после дождя. Да, дождь бывал, но тоже теплый, напоенный солнцем и летом и еще чем-то веселым и ярким. Жители, казалось, никогда не спали, постоянно чем-то занимаясь, словно трудолюбивые пчелы. Или, может, я попадала в Город только днем и летом. Возможно. Ведь это был мой сон, а я любила лето больше других времен года. Мне приятно было думать, что по моей воле здесь все неизменно и будет постоянным вечно. Хватило мне уже перемен в жизни. Сердце радовалось постоянству.

Город был полон тайн и чудес. Каждую ночь я распутывала лабиринт его узорчатых узких улочек, приводящих то к симпатичному заброшенному садику, то к дому с кружевными балконами, то к причудливому фонтанчику на площади. Он манил, притягивал, давал делать открытия и наслаждаться ими. На губах оставался пьяный привкус полного сладкими ароматами ветра. Любое дерево или камень в Городе при взгляде с другой стороны казались совершенно иными, незнакомыми. Мне не хотелось просыпаться по утрам, открывать глаза и наткнуться с размаху на стену темноты после ласковых лучей солнца. Сказка притягивала и заполняла душу. Я сидела на набережной, на крошечных каменных скамейках, гуляла в парке или бродила по маленьким дворам, заросшим неизвестным, но пахучим кустарником. И не переставала думать, придумывать, как остаться здесь навсегда. Ничего не приходило в голову. Мысль эта бледнела, пряталась в каких-то закоулках сознания, но не исчезала окончательно.

И я продолжала бродить, растягивая каждую секунду пребывания в Городе. Каждая секунда была подарком.

Поскольку это был сон, меня не удивляло то, что жители города меня не видели. Совсем. Я для них не существовала. Я случайно заметила это, когда, заглядевшись на какой-то очередной архитектурный изыск, неловко толкнула женщину с полной корзиной яблок. Те, сочные даже на вид, румяные, гладкие, раскатились по мостовой. Прохожие кинулись их подбирать, кто обратно в корзину, кто себе в карман. Я извинилась и поняла, что женщина меня не слышит. Она торопливо складывала фрукты в корзинку, что-то бормоча под нос и никак на меня не реагируя. Я пробовала спросить что-то у другого прохожего. Тот же результат. Я целую ночь провела, пытаясь обратить на себя внимание жителей города. Потом смирилась и махнула на это рукой. Не так уж мне это и нужно. Так даже проще. Можно заходить в лавчонки или мастерские, беспрепятственно заглядывать в чьи-то сады, не задумываясь, а не попросят ли меня отсюда. Можно было не думать, как я выгляжу, опускаясь на мостовую на колени, чтобы разглядеть особенно красивый камешек в ней. Город словно разрешал мне быть самой собой в полной мере.

Но не обошлось и без открытий. Я отдыхала в сквере на скамейке, когда к моим ногам подкатился веселый полосатый мяч, а затем детский голос произнес:

— Тетя, подайте, пожалуйста, мяч.

Я подняла глаза. В нескольких шагах от меня стоял малыш лет шести, худенький, лохматый, с исцарапанными коленками и веселыми глазами. Он смотрел на меня и улыбался.

— Это ты мне? — на всякий случай уточнила я.

Он кивнул и улыбнулся еще шире.

Я осторожно пнула мяч, тот подкатился к ногам мальчишки. Ребенок ловко подхватил его и звонко сказал:

— Спасибо!

И убежал. А я поняла, что дети в городе видят меня так же, как и всех остальных. Почему? Еще одна загадка Города.

Сегодня меня вырвал из сна шум за окнами. Кто-то рано утром громко и со вкусом ругался по телефону не то с женой, не то с подружкой. Я невольно прислушалась. И даже восхитилась. Вот дает мужик, ни разу не повторился! И эпитеты такие сочные, красивые. Виртуоз. Я хмыкнула и поплотнее закуталась в одеяло. Светало, я чувствовала кожей, как серые утренние тени наполняют комнату. Они были прохладными и гладкими, как шелковая ткань на ощупь. Забавно, когда тени можно потрогать. И совсем не забавна ситуация, при которой учишься это делать.

Я полежала еще немного и решила, что пора окончательно просыпаться. Встала и принялась одеваться. Временно другой мир отступил.

В коридоре тяжелая, теплая ладонь коснулась моего плеча, и голос отца произнес:

— Доброе утро.

— Доброе утро, — отозвалась я, заворачивая в ванную. Нашла на полке расческу, открыла кран и стала расчесываться. Почему-то захотелось пропустить воду, чтоб была ледяной, и умыться как следует. Вспомнилась колодезная вода в деревне у бабушки в каком-то нереально далеком детстве.

Так я стояла, бесцельно двигая рукой с расческой, пока мое внимание не отвлек странный звук. Что-то было не так в звуке падающей струи. Что?

— Ты долго еще, а то мне на рабо... ч-черт, — раздался за спиной голос старшего брата, и тут же сильные руки отшвырнули меня в сторону.

Я вцепилась в косяк, чтобы не упасть. Тяжелой волной накатила паника.

Странное хлопанье, затем скрип закрываемого крана.

— Мам, принеси, пожалуйста, половую тряпку! — крикнул брат. Его голос раздавался откуда-то снизу.

В коридоре отозвалась мама, в дверь ванной заглянул еще кто-то. Я на ватных ногах добралась до кухни и приземлилась на ближайшую табуретку. За столом сидел Славка, младший, и, что-то напевая, гремел чашками.

— Может, хоть ты мне объяснишь, что я натворила? — мрачно поинтересовалась я.

— Всего лишь повернула кран не в ту сторону. — Судя по звуку, он отмахнулся. — Все нормально. Соседи так и так хотели сделать ремонт.

— Не слушай его, доченька, — торопливо сказала мама за моей спиной. — Всего лишь небольшая лужа.

Я промолчала. Руки еще подрагивали от волнения.

Славка хмыкнул. Мама поставила передо мной кофе. Любимый горький аромат медленно вытеснял напряжение и плохое настроение.

— Скажи мне, сестренка, зачем ты даже на домашнем платье носишь изображения собачек? — вдруг поинтересовался Славка. — Их же никто, кроме нас, не видит.

— С чего вдруг такой интерес? — спросил папа, усаживаясь рядом со мной завтракать.

— Он очень хочет услышать, чем мой стиль отличается от его позерства, — фыркнула я. — Пойми, братик, мне неважно, видит ли кто-то моих собак. Я ношу их для себя, а не для других. И мне совершенно не обязательно, как некоторым, красоваться и хвастаться перед кем-то.

— Ну что вы прямо как дети малые, — примиряюще вступилась мама. — Разве это такой острый вопрос?

— Да мне просто интересно, — не унимался брат. — Значит, получается, что это аксессуар для собственных ощущений. Ощущение присутствия любимых собак.

— Да, именно так, — заявила я. — Необязательно видеть вещь любимую, нравящуюся, приносящую радость. Главное, ощущать ее присутствие.

Перед мысленным взором предстали любимые собачки, которых я коллекционировала всю сознательную жизнь.

— И ты все вещи так подбираешь, ставя во главу угла ощущения? — спросил Славка.

— Да.

— И полосатые носки тоже? — невинно продолжил он.

— Да, — ляпнула я и осеклась.

Повисла тишина, потом отец задумчиво сказал:

— Ощущение полосатости носков... Круто.

И все расхохотались. Я тоже не смогла удержаться и фыркнула:

— Вот зараза!

Он перегнулся через стол и щелкнул меня по носу:

— Зато ты улыбнулась. Все, я в универ.

Тревожное чувство, так портившее все утро, отступало, теряясь и растворяясь в привычной жизни. Надо просто меньше думать, будет меньше придумываться. Все хорошо.

И снова день мимо. Как, впрочем, и всегда. Время неизвестно, солнечного света не видно, и утро отличается от вечера только названием. Ждешь ночи, прислушиваясь к шуму за окнами, когда же он, проклятый, стихнет. Никогда меня в моей прошлой жизни так не раздражал любой шум, как теперь. Мозг, вынужденный ориентироваться только на звук, легко перегружался, и я терялась, не понимая, где я, что я и что происходит вокруг, словно в ворохе цветных ниток приходилось искать нужный кончик, нужный звук, цепляясь за который можно было попробовать с трудом восстановить картину окружающего тебя мира. Но часто под наплывом новых и новых звуков чахленький ориентир терялся, и все приходилось начинать сначала. Я не любила больше дни. Только ночи.

Снова пожелала всем спокойной ночи, торопливо разделась и легла. Ритуал, который я сегодня старалась соблюсти как можно тщательней, словно это помогло бы мне избавиться от ощущения, что что-то не так. Не помогло.

Город был непривычно полон мокрым ветром и запахом воды. Я впервые подумала, что ведь, в сущности, даже не знаю, а вдруг он портовый. Вдруг где-то здесь есть море. Я на море была один раз, в далеком детстве, когда нас, детей, в семье было еще только двое. С младшим, Славкой, у нас разница в шесть лет. Поэтому я мало что помню, кроме детского ощущения счастья и повсеместного запаха моря. И от воспоминания об этом как-то резко сжалось горло.

Но запах здесь был другой. Нехороший какой-то, очень подходящий к моим предчувствиям. Я ускорила шаги. Вокруг начали появляться спешащие куда-то люди, все больше и больше. Все были взволнованы, что-то шумно обсуждали, лица у всех были либо испуганными, либо растерянными. Я догнала парнишку лет десяти, дернула его за рукав и спросила:

— А что случилось-то?

— Вы не знаете? — округлил он глаза. — Река у старого моста вышла из берегов, совсем неожиданно для всех. Все смыло: набережную, торговые ряды, половину жилого квартала.

— А старый мост — это где? — зачем-то спросила я.

Ребенок указал направление, и я рванула туда.

— Туда никого не пускают! — крикнул он мне вслед. — Там стоит оцепление!

Я уже не слышала, проклятый мокрый ветер, полный беды, стучал в висках. Как могло такое случиться в моем Городе? В мире моих грез, в убежище, в дурацком, но моем сне?

Квартала через два я действительно наткнулась на оцепление.

Оно стояло над разрушенной набережной, никого не пуская вниз. Многие из собравшихся наверху плакали, кто-то ругался, кто-то кому-то объяснял:

— Ночью внезапно поднялся уровень воды. Буквально за пять минут, никто даже уйти не успел. Все как были, мужчины, женщины, дети... Волна поднялась и слизнула две улицы.

— Да, — вздохнул один из слушателей. — Пивнушка там хорошая была в подвале. Эх, жалко людей.

Я стояла почти за плечом рассказчика и чуть не отпрыгнула, когда стоявшая неподалеку с растерянным видом женщина вдруг бросилась вперед и схватила его за рукав:

— У меня там сестра. Сестра и две племянницы, маленькие совсем. Может, живые? Может, найдут еще?